

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

НАДЕЖДА ОЖИГИНА

12+

Надежда Ожигина

Точка невозврата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64149842

SelfPub; 2022

Аннотация

Капитан Соколовский собирается в плановый рейд на Орхиду, когда на борт его корабля, РК-239, именуемого также Ракушкой, присылают стажера для прохождения практики в экстремальных условиях. Экипаж РК-239 ждут приключения и загадки, а еще – спасательная операция, ведь Соколовский и его команда работают в НСС, неорбитальной службе спасения. Так кто такие Насосы? И что связывает капитана и юного стажера Пашку Иванова? Что творится на просторах Русского Сектора? Обо всем этом читайте в приключенческой повести "Точка невозврата".

Содержание

Штатное расписание	4
Теоретик	10
Безопасная планета	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Надежда Ожигина

Точка невозврата

Штатное расписание

Паршивый рейд начался с того, что я поругался с НачБ.

Да, я скотина упрямая, да, я о себе возомнил, только я не экспресс-доставка! И, дорогуша моя, у РК-239 плановый рейд по Русскому Сектору!

Начальник Базы Витальев долго взывал к моей совести: мол, на Орхиде наука простаивает, а мне впадлу закинуть им реквизит. Ничего себе «реквизит»: двадцать тонн чистого веса!

– Соколовский! – орал мне Витальев. – Нет у меня челнока в запасе, у меня тут стройка и все при деле, мне пробирки и микроскопы самому абсолютно без надобности! А у тебя Орхида по курсу! Там, говорят, курорт, ну, сгоняешь, подлечишь нервишки. Все, лети отсюда, Насос, я от тебя утомился до крайности.

Я еще пытался артачиться, но и НачБ понимал. Неплохой он мужик, Антон Иваныч. На планете глобальное заселение, а ему пробирки подкинули.

– Слушай, Тох, – говорю, – груз возьму. Но под твою от-

ветственность. У меня не от праздной жизни трюмы в Ракушке пустые. И если будет аврал, я все выкину. Весь ботанический «реквизит» улетит в черный космос, учти, дорогуша.

Витальев только рукой махнул. Можно подумать, у нас есть выбор.

Подписал я приемку груза и пошел успокаивать нервы пивом.

Иду и себя циркуляркой пилю: бесхребетная я животина, инфузория, не иначе. Вот нельзя по уставу забивать трюм, только кто в Глубинке блюдет устав?

Ладно, где я там остановился? Что, закладка слетела? А, вот!

«Мери страстно смотрела на лейтенанта, томно вытянув губы, и он как-то забыл об уликах и о кровавом трупe на улице». Эх, дурной лейтенант, не ведись! Это ж она адмирала грохнула!

В космопорт вернулся ближе к обеду, проверить, как проводят погрузку.

– Командир, а для вас сюрприз!

– Прямо, как вы любите, с пылу, с жару!

Это два моих гардемарина борт РК стоят подпирают, а у них под носом ботва последний ботанический ящик в трюм никак не впихнет. Ну, не лезет, подлюка, ни так и ни эдак, чую сердцем, утрамбовывать будут, вероятно, тяжелым

прессом.

Помоги кибер-разуму, штурман Синявский, но нет, смотри, лыбится, то ли нагло, то ли смущенно, это у Славки дивно выходит, балансировать на грани эмоций. Жека, напротив, хмурится и планшетку в ладони качает, что-то в этой планшетке такое, что смущает Жеку до удивления. Ненавижу сюрпризы!

– Больше на борт ничего не возьму! – самолично копаюсь в настройках ботвы, и парнишки, наконец, просекают тему, контейнер исчезает в глубинах, отчего возникает стихийное ликование с победной тряской манипуляторов. – Хватит мне этой ботаники. По закону перегруз не положен!

– Перегруз не положен, – соглашается Жека и вручает планшетку с приказом. – Зато нам положен стажер. По штатному расписанию.

Конечно, она не Жека, а Женечка, на вид – чистый эльф, без примесей. Но только в чаду операции всякие «Женечки» из памяти вон, и даже на «Женьку» букв не хватает. Съедает спешка нежное «нь», Жека – апофеоз аврала, сухая выжимка катастрофы.

Смотрю в планшетку, а приказ в пять страниц: имя, место учебы, а дальше – длинный перечень навыков, всяких способностей и, мать его, премий. Чистый ботан на мой корабль. И за что мне такая честь? Как будто мало пробирок в трюме! Поднимаю взгляд на Жеку Петренко, та разводит руками:

– Ну а я что могу, командир! Славик уточнил в СпецО.

Знаете, что нам ответили? Славка, озвучь?

– Курсант Иванов направлен для прохождения летной практики в экстремальных условиях, – гнусавым голосом сообщает Синявский. – РК-239 выбрал лично курсант Иванов. Почему – разбирайтесь сами. Вам положен стажер...

– ...и мы на вас положили! Что ж, показывайте свой «сюрприз».

– Не свой, – отбивает выпад Синявский. – Мы бы поприкольней сварганили.

Спросите, отчего на Ракушке бардак? Да не стесняйтесь, спросите. Ведь если в правилах прописан стажер, как же мы без стажера? А вот так. Раньше слали, теперь перестали. Может, на складе кончились. Ну а может, жалеют курсантов, вот так сразу по выпуску – и на борт к Соколовскому! Этот пятым по счету выходит. Четверо, как в анекдоте, в команде не прижились. Ну, почему же погибли, вздор, за кого вы меня принимаете? Я ж курсантов не ем без приправы. Только с соусом и под пиво.

Штатный «сюрприз-суперприз» стоит в кают-компании по стойке смирно, патлатый, угловатый, грудь колесом, очи в закате. Вид имеет придурковатый, но это у него от усердия. От попытки казаться солидней и старше. Ох, и зачем же ты меня выбрал, горе-курсант Иванов?

– Так, – говорю. – Неувязочка. По штату нам положен ста-

жер. А этот тянет на юнгу. Жень, есть правило, чтобы на борт Ракушки брать подростка пятнадцати лет?

– Четырнадцать, – уточняет честный курсант. – Я училище экстерном закончил. Здравия желаю, капитан Соколовский.

– Ну и ты не болей, Иванов. Расслабься, не на параде.

– Четырнадцать? – удивляется Славик. – И сразу в Насосы? Ну-ну!

Иванов просекает насмешку и становится пунцовым по самые уши:

– Не в Насосы, зачем. Только практика в экстремальных условиях. СпецО направил приказом.

Так и слышится: я не нарочно, это они. Мальчишка! Выбор-то твой, Иванов!

Жека пристально смотрит в планшет, ох, настырная она, как пиявка, прицепится – не оторвешь, пока крови твоей не напьется.

– Здесь написано: нестабильное поведение во время учебных полетов. Нестабильное – это как, пацан? Ты хоть понимаешь, чем мы занимаемся?

Стажер кивает башкой и смотрит на меня влажным глазом. По фигу ему, чем мы тут занимаемся. В космос ему надо, в глубокий. Штамп в зачетке получить с моим росчерком, автограф в персональной планшете. Но под этим словом, пыльным и скучным, есть там что-то еще. Романтика? Придурь? Не угадал, Соколовский. Просьба там, в этих се-

рых глазах, даже мигает складно, старым проверенным кодом. Что ж тебе нужно от меня, Иванов?

Ладно, командую, задраить люки. Будем решать по инструкции. Рейд плановый, практически отпуск, сгоняем на Орхиду, к цветочкам-ягодкам, скинем ящики, а после обсудим. Штурман, вводные Аделаиде. Жека, подключи стажера к системам. И подгрузите на борт продовольствия: в экипаж зачислен молодой организм.

Теоретик

За двое суток я выяснил, что стажер бесполезен во всех отношениях. А во многих даже опасен. К ботам его подпускать нельзя: взялся усовершенствовать мою программу, так ботва потом по отсекам скакала, что твои обезьяны, насилиу с Синявским всех отловили. Хотел помочь Жеке с наукой, так она его прокляла, хорошо прокляла, с душою матерной, и запретила соваться к себе в медотсек. Потом парень вроде сошелся с Синявским, тот уважает любые заскоки, а еще негасимый пыл при изучении корабля и пространства. Только Паша Иванов исхитрился подбить штурмана на солидный крюк к астероидам, то есть, пока командир отдыхал после вахты, эти двое изменили курс корабля и полетели смотреть пояс Громова, про который стажер где-то читал.

Тут, наверное, мой косяк, ведь Иванов не знал, что героического Славку Синявского нельзя подпускать к астероидам. Пунктик такой у штурмана: чуть видит – сразу ныряет в поток. Он на выпуске завалил ключевой экзамен, мне завалил, сдал на тройку с натяжкой, и теперь считает себя обязанным испортить командиру последний нерв, но доказать, что он ас.

Я проснулся от звуковой волны. Ни одной бортовой системе не нравится в астероидном поясе, все они верещат и бубряют барабанные перепонки, уважающий себя пилот тотчас

драпает на всех маневровых от источника подобного гвалта. Но Синявский не уважает ни себя, ни нас. Ни тем более бортовые системы.

Пилотирование в экстремальном потоке, куда без него Насосу? Правильно, в астероидный пояс!

Я кое-как отстегнулся от сетки да по леерам, по страховочным тросам потащил себя в капитанскую рубку. А там картина – мечта командира.

Славка лихо бренчит по пульту, как виртуоз-пианист. И героически хмурит брови, в профиль чисто пират, гроза морей. Если б корсарский огонь в глазах помогал при опасном маневре, Славка давно бы сдал мне экзамен. Но увы, и тут ему не везет.

Рядом в кресле, обмотанный, как паутиной, ремнями, восторженно подвывает стажер.

У меня за спиной ругается Жека и упорно ползет на мостик, драить Синявскому пиратскую морду.

Впрочем, если забить на болтанку и тряску, на голимые амплитуды, в этот раз у штурмана получается сносно. Нас и цапнуло всего ничего, мелкий шлак проскрипел по борту, я уж думал накинуть четверку, за упорство и беспощадность к друзьям, но Синявский меры не знает, чувствует, что маневр выполним, и безбашенно прет напролом. Лихачит Синявский, как прыщавый кадет, рисуется перед стажером, вдохновленный восторгами пацана.

Уплотненный поток ему не дается, на десятой секунде нас

бьет, нас швыряет, слепит красным со всех кнопок пульта, и от этого Славка теряет контроль, Ракушку долбит в лоб и в днище, и над пультом – взвесь алых горошин, кого-то до крови уже приложило, нехорошо, опасно.

Я, наконец, добираюсь до кресла:

– Руки с пульта! Управление капитану!

Пальцы скользят по клавишам, нужно бы сдать на край, но прогалины нет, я иду сквозь поток, вывязывая, словно петли крючком, пилотажные бочки, одну за другой. Вот, совсем не сложно, Синявский, если себя контролировать, если чувствовать поток и корабль, не нужно это Вселенной, ни показательной бравады, ни суеты.

Стоп-сигналы гаснут, скучнеют, звуки сходят на нет. Перед нами снова простор, сама темень с янтарными планками звезд, чистый Космос на блюде иллюминатора. Славка хохлится, ждет нахлобучки. В рубку пробирается злобный эльф с распухшим кровавым носом и дает Синявскому подзатыльник, а после привычного рукоприкладства в яркой доступной форме рассказывает о впечатлениях.

Я отвязываю стажера, вслух мечтаю отправить того в ледяной сон до Орхиды.

– Круто! – дурным голосом выдает Иванов. – Я так тоже хочу! – заявляет Пашка. – Научите меня, командир! – и его обильно тошнит на приборы.

Жека ойкает и сбивается с фразы, а потом начинает ругаться по новой.

Вылетев пробкой из пояса Громова, начинаем считать убытки.

– Командир, в брюхе сито, но это по мелочи, трюмы изнутри залатаем. Проблема в четвертой торпеде, минус пятнадцать к маневру и генерации топлива.

– Слушай, Синявский, а ты попал. Тут поблизости доки на Нерде, чалимся на ремонт. Мы с Петренко исследуем пляж, а ты будешь чинить торпеду.

Славка угрюмо молчит, привычный. А у меня на борту только так: сам накосячил – сам ремонтируй.

– А я? – не скрывает обиды стажер, позабытый родным командиром. Промолчать бы тебе при раздаче наград, но изволь, получи-распишись:

– Тоже в доки, при штурмане будешь. Он тебе все расскажет, покажет, станешь спецом по Ракушкам.

Славик тихо скрипит зубами. Ну а ты как хотел, Синявский? Наказание должно быть суровым. И охватывать весь воспитательный спектр. К тому же, вдвоем косяка давали, продолжайте работать в паре.

Ну, пока суд да дело, латаем корпус.

– Я все знаю про сварку! – заявляет стажер. – Мы ее проходили, я теорию сдал лучше всех!

– Что ты сдал? – уточняю с понятной опаской. – Так, стажер Иванов, положи-ка УРИ. Я сказал: положи и не трогай руками.

– Да чего! – обижается Пашка. – Это вот лучевая пушка, а еще можно сварку пустить по дуге, но она скорее диффузия при высоких температурах, а здесь...

– В сторону, штурман, живей!

Из-под рук Иванова шарашит искрой, Славик прыгает, что кенгуру, уходя от луча залихватским зигзагом, но стажер попался упорный, лупит в штурмана почем зря, как из бластера по зеленым пришельцам.

– Что у него за режим? – кроет матом из недр недобитый Синявский.

– Лазерный дальний. Вглубь уходи!

– Паша, палец с кнопкиними, я ж тебе еще пригожусь!

– Брось ружье, Иванов! Мы сдаемся!

Иванов выполняет приказ, и УРИ, громыхнув и подпрыгнув, выпускает последний разряд. Тишина на борту. Благодарь. Мой рукав крепко сварен с каркасом и для пушного эффекту дымится.

Эй, зову, теоретик! Ты цел? А охрану труда проходили?

С тихим свистом из трюма выходит воздух.

С тихим свистом из глубин выползает Синявский:

– Командир, вас таки припаяло? Все, стажер! Я тебе руки выдерну и на нужное место поставлю. Это просто вопрос выживания!

Штурман мой – пират не из робких: на другой день стажер снова в трюме, под строжайшим надзором ремонтирует борт. Ну, мои законы для всех. Сам сломал – сам чини, прак-

тикуй работу со сваркой. Жизнь – суровая штука, пацан.

– Жека, тебе чего?

– Есть разговор, командир. Предлагаю оставить стажера на Нерде. Давайте, по старой схеме: вы включаете привере-ду, я работаю на подхвате. Астероидный пояс – его косяк. Потом этот анекдот со сваркой. Он же ничего не умеет, бес-мысленная инфузория!

– Экая ты стала злая. Помнишь, с чего сама начинала? Неваида, песчаная буря. Как вы со Славкой хвосты петуши-ли! А плюхнулись на поверхность и увязли всем Моллюском в песке. Я ж насилу вас откопал!

– А все говорят, вы суровый...

– Я не суровый, я справедливый. Вам дал шанс, и стаже-ру подкину. Все, не видишь, я делом занят? «Он прицельно бабахнул и выбил пушку из третьей руки мерзкого гада...» Между прочим, у этого гада в десятой руке топор. Жек, от-стань, дай дочитать!

– Докладываю, Андрей Алексеевич: вам на Нерде готовят встречу. Предлагают букеты, фанфары. Ну или просто пива попить.

– И с чего бы такая честь?

– В доках Лемехов и Вишняков.

Я улыбаюсь от уха до уха и потираю руки, я всегда рад встрече с друзьями.

Жека Петренко хмурится, понимает, что стажер Иванов временно оправдан по главным пунктам. Обвинение провалило процесс.

Безопасная планета

– Командир, а тут новый пляж расчистили, там туристов нет, тишина! Может, с нами?

– На кой черт мне тишина? Нет уж, ребятки, я в гущу, я к людям. У меня тут друзья, между прочим, с пивом и разговорами, вас двоих мне в полете хватает, аж по самую глотку.

Жека с Синявским хватают сумки и жизнерадостно чешут в пампасы. Штурману повезло: в доках Нерды с утра выходной. Славке помощь не то чтоб нужна, ботвы на борту немеряно, просто мудрые корабелы, дабы не соблазняться работой, обесточили все, вплоть до климат-контроля. Жарко в поверхностных доках, точно в глотке больного вулкана, а починка торпеды требует постоянного охлаждения. Вот и гуляем руки в карманы. Лишь несчастный стажер стоит у отеля и буравит зрачком горизонт. Неуютно стажеру на Нерде.

Ну а ты, – говорю, – чем займешься? Хочешь, вместе на главный пляж?

Нет, – трясет головой Иванов, – не пойду, командир. Там же люди! Я над островом летаю.

И скейтборд предьявляет, на воздушной подушке. Зная слабости Иванова, изучаю со всех сторон аппарат и опасливо предлагаю: валяй! Полетай, чтоб я видел, но только медленно и без резких маневров. Пашка делает круг над отелем,

очень медленно, показушно, ну, хоть в этом он не теоретик, аж от сердца слегка отлегло.

Значит так, говорю, если шею сломаешь – будешь сам ее ремонтировать.

Я ж ногами да по твердой земле, да в солёное море в разгар сезона. Люди ему. Разумеется, люди, и такое счастье, что люди – хорошие, разные, шумные – словами не описать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.